

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Рассматриваются понятие, значение, тенденции практической реализации начала непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве. Анализируются соответствующие теоретические положения, нормы уголовно-процессуального закона, информация о современной судебной практике и излагаются предложения по их совершенствованию.

Непосредственность и устность закреплены в качестве общих условий судебного разбирательства в посвященной этим условиям гл. 35 в следующей формулировке ст. 240 УПК РФ:

«1. В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X настоящего Кодекса. Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств.

2. Оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, возможно лишь в случаях, предусмотренных ст. 276 и 281 настоящего Кодекса.

3. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании».

Следует признать, что приведенная формулировка не только не дает представления о различиях между непосредственностью и устностью судебного разбирательства, но и не выражает четко сути этих его общих условий. Суть этих начал судебного разбирательства, их более обобщающее и углубленное понимание определяется в уголовно-процессуальной литературе.

Так, в литературе указывается на два основных требования, относящихся к исследованию доказательств судом в ходе судебного разбирательства, которые включаются в содержание принципа или начала непосредственности. Во-первых, между судом и доказательствами, на основании которых он будет разрешать уголовное дело, при восприятии им (личном восприятии) этих доказательств не должно быть промежуточных звеньев [1. С. 22; 2. С. 27–28; 3. С. 157]. При этом в качестве такого промежуточного звена следует рассматривать и письменные материалы уголовного дела, полученные и составленные в ходе досудебного производства по нему органами уголовного преследования. Во-вторых, эти доказательства должны быть первоисточниками сведений о фактах, имеющих значение для разрешаемого уголовного дела [2. С. 27, 29; 3. С. 157]. Из анализа и обобщения имеющихся в литературе наиболее удачных определений и высказываний относительно начала непосредственности [1. С. 22–23; 2. С. 27–29; 3. С. 157–158; 4. С. 158; 5. С. 459] суть этого начала можно сформулировать следующим образом.

Под началом непосредственности понимается такое общее правило исследования доказательств в судебном разбирательстве, согласно которому суд, рассматриваю-

щий уголовное дело, обязан в судебном заседании лично ознакомиться с доказательствами, на основании которых он будет разрешать это дело по существу, и воспринять содержащиеся в них сведения об исследуемых фактах непосредственно из первоисточников этих сведений.

Начало непосредственности, его последовательная реализация в судебном разбирательстве, прежде всего, обеспечивают устранение искажений при получении судом необходимых для разрешения дела сведений и формирование у судей твердого и обоснованного внутреннего убеждения по вопросу о виновности подсудимого и установленности других исследуемых по делу фактов. Поэтому очевидно и общепризнанно значение начала непосредственности как существенного условия, одной из гарантий достоверного установления этих фактов, достижения материальной истины по делу. Кроме того, в литературе указывается на значение этого начала для обеспечения прав сторон в судебном разбирательстве, т.к. они «...пользуются возможностью участвовать в исследовании всех доказательств, которые имеют значение для правильного разрешения дела, и им гарантировано, что ни одно доказательство, не исследованное судом при участии сторон, не будет положено судом в основание приговора» [3. С. 157–158]. Отмечается также, что начало непосредственности является предпосылкой и проявлением независимости судей и их самостоятельности при принятии решения по делу [5. С. 460].

Учитывая изложенное значение начала непосредственности, его ограничение следует допускать только в исключительных случаях, закрепленных в законе и обосновываемых, как правило, невозможностью реализации этого начала в определенных ситуациях. Между тем современный УПК РФ допускает такие ограничения в целом ряде случаев, не все из которых можно достаточно обоснованно считать исключительными. Итак, в УПК РФ закреплены следующие случаи ограничения начала непосредственности.

Во-первых, поскольку, как отмечалось в литературе, начало непосредственности может быть полно осуществлено, если судебное разбирательство будет происходить непрерывно [2. С. 29; 4. С. 158; 6. С. 14–15]; известным отступлением от начала непосредственности является отсутствие в современном УПК РФ нормы, закрепляющей непрерывность судебного разбирательства. Отступление от начала непосредственности в данном случае обосновано, на мой взгляд, недостаточно, поскольку не вызвано невозможностью реализации этого начала в определенных ситуациях. Разработчики УПК РФ, видимо, основывались главным образом на трудностях создания организационных условий для

реального осуществления начала непрерывности судебного разбирательства, что нельзя признать полным оправданием его устранения из уголовного процесса, а тем самым и ограничения начала непосредственности.

Во-вторых, ограничение начала непосредственности закреплено в гл. 40 УПК РФ, где для случаев согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы, устанавливается особый, а по сути, упрощенный, порядок судебного разбирательства. Упрощение заключается в почти полном устранении этапа судебного следствия, а именно не подвергаются непосредственному исследованию доказательства, обосновывающие предъявленное подсудимому обвинение. За время, прошедшее с момента вступления в силу УПК РФ, были защищены диссертации и опубликованы монографии, посвященные данному упрощенному порядку судебного разбирательства, в которых приведено немало аргументов в пользу оправданности и преимуществ этого порядка [7–9]. Действительно, экономичность данного порядка оправдана в ситуациях, когда подсудимый согласен с предъявленным ему обвинением, заинтересован именно в скорейшем рассмотрении дела и в получении предусмотренных ч. 7 и 10 ст. 316 УПК РФ «бонусов» за такое согласие, а права потерпевших при этом более реально и оперативно защищаются. Однако ограничение начала непосредственности и соответственно отступление от достижения материальной истины по делу в данном порядке судебного разбирательства явное и существенное. Поэтому предложения о законодательном расширении возможности использования этого порядка вряд ли можно приветствовать. Должна настораживать и тенденция увеличения частоты использования этого порядка на практике, поскольку это может быть вызвано недостаточно подробными проверками (или преднамеренным отсутствием реальных проверок) добровольности согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением со стороны органов уголовного преследования и судей, а также недостаточной квалификацией адвокатов-защитников, недобросовестным выполнением ими своих обязанностей (особенно при участии «по назначению»).

В-третьих, начало непосредственности ограничивается в случаях, предусмотренных в п. 2, 3 ч. 1 ст. 276 и ч. 1, 2 ст. 281 УПК РФ, когда допускается оглашение показаний подсудимого, потерпевшего, свидетеля по имеющимся в уголовном деле протоколам их допросов (очных ставок), проведенных в ходе предварительного расследования, вместо получения показаний от этих лиц непосредственно на их допросах в судебном заседании. Протоколы следственных допросов (очных ставок), в которых содержатся ранее полученные от названных участников процесса показания, оглашаемые в таких случаях, не являются первоисточниками сведений об устанавливаемых фактах, что объективно является причиной известного искажения этих сведений. Искажения информации дополнительно усиливаются тем, что следователи и дознаватели, вследствие их принадлежности к стороне обвинения, а также распространенного в нашей следственной практике обвинительного уклона, фиксируя в этих протоколах показани-

я допрашиваемых лиц, часто стремятся (в известной мере неосознанно) закрепить свою обвинительную версию события. Насколько обосновано ограничение начала непосредственности в таких случаях оглашения ранее полученных показаний?

Прежде всего, оглашение ранее полученных показаний потерпевшего, свидетеля в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 281 УПК РФ, при наличии перечисленных здесь уважительных причин неявки потерпевшего или свидетеля (смерть, тяжелая болезнь, препятствующая явке в суд и т.д.) является вполне оправданным ограничением начала непосредственности ввиду невозможности его реализации в такой ситуации. Запрет воспользоваться имеющимся источником сведений о фактах по делу, пусть даже опосредованным (протоколом ранее проведенного допроса или очной ставки), в ситуации недоступности первоначального источника этих сведений (невозможности получения показаний непосредственно от лица) явился бы еще большим препятствием на пути истинного установления фактов по делу.

Оглашение показаний подсудимого вместо его допроса в суде, допускаемое согласно п. 2 ч. 1 ст. 276 УПК РФ в случае, когда по его ходатайству уголовное дело о преступлении небольшой или средней тяжести рассматривается в его отсутствие, также следует признать вполне обоснованным ограничением начала непосредственности. Его отказ от участия в судебном рассмотрении дела, разумеется, если он был осознанным и добровольным, можно считать своеобразным подтверждением им своих показаний, данных при производстве предварительного расследования, заверением отсутствия в них искажений.

В п. 2 ч. 1 ст. 276 УПК РФ допускается и другой случай подобного оглашения показаний подсудимого в его отсутствие – когда проводится судебное разбирательство по делу о тяжком или особо тяжком преступлении, а подсудимый находится за пределами территории РФ и (или) уклоняется от явки в суд (если он не был привлечен к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу). В этом случае факт уклонения подсудимого от явки в суд, как правило, свидетельствует о его несогласии с позицией обвинения и дает основание с большой долей вероятности полагать отсутствие у него намерения подтвердить в суде свои ранее данные показания.

Еще один случай оглашения полученных в ходе предварительного расследования показаний подсудимого вместо его допроса в суде предусмотрен в п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК – когда он отказался от дачи показаний в суде (при соблюдении в ходе предварительного расследования требований п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). В этом случае он присутствует в суде, но отказом от дачи показаний, по сути, ставит под сомнение свои ранее данные показания, особенно при отрицании в суде вины в инкриминируемом ему деянии.

Ограничение начала непосредственности в двух последних случаях будет оправданным, только если суд использует оглашение ранее полученных показаний подсудимого как способ проверки других исследуемых доказательств, различных своих и выдвинутых сторонами версий, без изначальной установки положить оглашенные показания в основание обвинительного при-

говора за неимением лучших доказательств вины подсудимого. Начало непосредственности вообще не будет ограничено, если суд в данном случае в обоснование обвинительного приговора не будет ссылаться на оглашенные в судебном заседании полученные в ходе предварительного расследования признательные показания подсудимого, а будет опираться на другие исследованные непосредственно доказательства.

Наибольшую опасность необоснованного ограничения начала непосредственности представляет собой возможность оглашения ранее полученных показаний потерпевшего и свидетеля, предусмотренная в ч. 1 ст. 281 УПК РФ, – в случае неявки (независимо от уважительности ее причин) потерпевшего или свидетеля в суд, если на оглашение показаний имеется согласие сторон. Сложившаяся на практике тенденция слишком частого использования этой возможности при рассмотрении уголовных дел с участием защитников «по назначению» (таких дел в нашей судебной практике большинство) не может не вызывать настороженность. Данная тенденция свидетельствует о том, что как судьи, так и профессиональные участники сторон относятся к возможности оглашения ранее полученных показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля не как к исключению, а как к общему правилу. Из такого их отношения можно заключить об отсутствии осознания ими значения и необходимости действительной реализации начала непосредственности в судебном разбирательстве либо о формальном, поверхностном (если не сказать недобросовестном) выполнении обязанности (касается судей) достоверного, соответствующего материальной истине установления фактов по уголовному делу.

В рамках описываемой тенденции полагаю вообще недопустимыми и требующими принятия мер по их предотвращению случаи оглашения с согласия сторон полученных при производстве предварительного расследования обвинительных показаний неявившихся в суд потерпевших или свидетелей, если подсудимый не признает себя виновным или признает лишь частично. Да и он, и его защитник самостоятельно и добровольно дают согласие на такое оглашение показаний в данных случаях. Между тем очевидно предположить непонимание подсудимым, ввиду отсутствия у него специальных правовых знаний, неблагоприятных последствий такого «согласия» для обоснования его позиции. Ведь подсудимый лишается права задавать вопросы неявившимся потерпевшим, свидетелям в ходе их допроса в суде, иным образом использовать результаты допроса для опровержения противоречащих его позиции показаний этих потерпевших, свидетелей. Таких возможностей оспаривания применительно к оглашаемым в судебном заседании из следственных протоколов допросов (очных ставок) обвинительным показаниям неявившихся потерпевших и свидетелей у подсудимого не имеется.

Неблагоприятные последствия оглашения обвинительных показаний неявившихся потерпевших или свидетелей не признающему себя виновным подсудимому мог бы разъяснить его защитник, для которого эти последствия как для профессионального адвоката должны быть очевидны. Однако безынициативно, не-

добросовестно выполняя свои процессуальные обязанности, защитники «по назначению», которых подсудимые в таких случаях часто видят впервые, не пытаются ни ходатайствовать о перерыве для свидания с подзащитным с целью консультирования, уточнения позиции, ни отказать в даче согласия на оглашение показаний, на что имеют право вследствие самостоятельности своего процессуального статуса. Судьи также в случаях непризнания подсудимым себя виновным не проявляют осознание очевидной необходимости в целях более тщательной проверки доказательств обвинения все-таки вызывать повторно неявившихся (нередко к тому же при неизвестности или неуважительности причин неявки) потерпевших или свидетелей для личного восприятия их показаний на судебном допросе. Удовлетворяя в таких случаях ходатайства стороны обвинения об оглашении показаний или лично иницируя такое оглашение, судьи проявляют не вполне соответствующее принципу состязательности и положению суда безусловное доверие доказательствам, представляемым стороной обвинения. Более того, нередко судьи демонстрируют неодобрение действиям защитников, не соглашающихся на оглашение обвинительных показаний неявившихся потерпевших и свидетелей, давая понять, что усматривают в этом лишь стремление затянуть рассмотрение дела. Поэтому нежелание адвокатов портить отношения с судьями – вторая после недобросовестного выполнения ими своих процессуальных обязанностей причина безропотной дачи согласия на оглашение обвинительных показаний неявившихся потерпевших и свидетелей.

Таким образом, при оглашении в судебном заседании полученных на предварительном расследовании обвинительных показаний неявившихся потерпевших, свидетелей вместо непосредственного их допроса в случаях, когда подсудимый не признает себя виновным или признает лишь частично, происходит не только ограничение начала непосредственности и препятствование достижению материальной истины по делу, но и нарушение принципа состязательности. По сути, нарушается и право обвиняемого (подсудимого) на судебную защиту, в содержание которого, согласно изложенному в современной литературе мнению, входит и право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены [10. С. 15].

Для устранения описанной негативной практики использования ч. 1 ст. 281 УПК РФ можно сделать следующие предложения.

Во-первых, в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях считать приговоры, основанные на оглашенных в судебном заседании полученных в ходе предварительного расследования обвинительных показаниях неявившихся потерпевших, свидетелей в случаях, когда подсудимый не признавал или лишь частично признавал себя виновным, подлежащими отмене или изменению ввиду существенного нарушения процессуального закона. Подобный опыт можно найти в практике проверочных судебных инстанций Российской Империи [1. С. 25–26].

Во-вторых, в дисциплинарной практике квалификационных комиссий и советов адвокатских палат субъ-

ектов РФ рассматривать основанием для дисциплинарного взыскания дачу адвокатом, участвующим в качестве защитника в суде по уголовному делу, согласия на оглашение обвинительных показаний неявившихся

потерпевших и свидетелей, если его подзащитный не признавал или лишь частично признавал себя виновным, а последствия дачи такого согласия ему не были разъяснены адвокатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912.
2. *Перлов И.Д.* Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956.
3. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1.
4. *Духовский М.В.* Русский уголовный процесс. М., 1910.
5. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская.* М.: Юрист, 2004.
6. *Цыпкин А.Л.* Судебное разбирательство в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962.
7. *Дубовик Н.П.* Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.
8. *Шмарев А.И.* Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
9. *Дьяконова В.В.* Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
10. *Трубникова Т.В.* Место права на судебную защиту в уголовном процессе РФ // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: Сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2008 г.